

ем поняли, что они, по-видимому, не получали сведений от секретных служб союзников о работах в Германии по распаду урановых ядер. Он был разочарован тем, что и Жолио не мог сообщить ему подобную информацию. Я не думаю, что в то время Жолио знал что-нибудь о работах немецких физиков, кроме тех, что выполнялись у него в лаборатории. Возможно, что вначале Гаудсмит думал, что Жолио что-то утаивает и знает больше, чем показывает. Убежден, что это не так. В конце концов встреча прошла в самой дружественной обстановке и Жолио с Гаудсмитом очень понравились друг другу. В этих разговорах ни разу не упоминалась атомная бомба, это был слишком большой секрет. На самом деле, я не думаю, что даже Гаудсмит знал подробности о работах по созданию такой бомбы в Америке. Бесспорно, он знал, что работа ведется, но он был единственный в миссии «Алсос», кто это знал.

Жолио мог подтвердить только то, о чем американцы и так слышали, — что сразу после оккупации Парижа к нему пришли два высокопоставленных немецких офицера. Они хотели перевезти циклотрон и остальное оборудование лаборатории в Германию, но это не было сделано. Вместо этого в лаборатории Коллеж де Франс появились немцы и стали работать параллельно с французскими сотрудниками. В некоторых кругах это дало повод к обвинению Жолио в сотрудничестве с врагом. На самом деле немцы были отдельной группой, занимали отдельный этаж, и руководил ими Вольфганг Гентнер, которого Жолио хорошо знал, — Гентнер работал с Эрнстом Лоренцем в Беркли. В 1943 году в этой группе появился новый руководитель. Вот и все, что я помню о визите Гаудсмита, помимо того что американцы были потрясены беспорядком, царившим в лаборатории, и тем, что всюду валялись материалы для изготовления взрывчатки.

Все то время, что я был связан с Сопротивлением, чаще всего я имел дело с Заззо. Я думаю, что он работал с широко известным психологом

Анри Валлоном, который после освобождения Парижа стал министром национального образования во Временном правительстве. Заззо всегда очень хорошо знал политическую ситуацию и был крайне полезен при принятии трудных или опасных решений. Я очень доверял его мнению.

Сразу после освобождения Парижа Жолио был назначен директором CNRS (Национального центра научных исследований) и занимал этот пост в течение года. Он вдохнул в эту организацию новую жизнь и реализовал много новшеств в процесс научных исследований, особенно фундаментальных. При нем Центр получил хорошее финансирование, что позволило создать много постоянных рабочих мест для ученых в дополнение к традиционным преподавательским местам в университетах. Думаю, что Жолио был одним их лучших директоров, когда либо возглавлявших CNRS.

Осенью 1944 года в Центре была создана одна из первых групп «Исследования операций». Ее создателем был Луи Рапкин, который знал о группах «исследования операций» в армиях союзников. Идея состояла в применении научных методов к анализу проблем планирования военных операций. Я вошел в группу, которую возглавлял генетик Борис Эфрусси, вернувшийся из Америки, где он вел военные разработки для союзников. Думаю, что его рекомендовал Жолио. Группа состояла из американских и английских солдат и офицеров, которые в довоенной жизни занимались наукой. Были среди нас и французские ученые, в частности Тоннеле и Курганов. Мы подчинялись Министерству обороны.

С конца ноября 1944 года я перешел на работу в технический отдел армии и оставался там до конца войны. Вновь я работал в группе анализа операций, и мы занимались стратегическими бомбардировками Германии. Работать нужно было быстро, чтобы нашими результатами можно было воспользоваться, пока война не кончилась, но подробно описывать эту свою деятельность я не стану.